

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Подарив
амулет викинга,
можно завладеть
душой человека и
подчинить его
своей воле...

Наталья СОЛНЦЕВА

Амулет викинга

Наталья Солнцева

Амулет викинга (сборник)

«АСТ»

2010

Солнцева Н. А.

Амулет викинга (сборник) / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2010

Вы держите в руках сборник остросюжетных рассказов известного автора в жанре артефакт-детектива Натальи Солнцевой. В каждой из этих историй есть изюминка – своя маленькая тайна: изумруды княгини Юсуповой, скифское золото, древний медальон, кольцо от знаменитого французского ювелира... Изящество стиля и уникальные захватывающие интриги доставят удовольствие и давним почитателям творчества Натальи Солнцевой, и тем, для кого этот сборник – первое приятное знакомство с писательницей!

© Солнцева Н. А., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Амулет викинга	5
Браслет скифской царевны	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Солнцева

Амулет викинга

Амулет викинга

Это был ее прощальный подарок. Она подгадала на Рождество, которое я должен был праздновать без нее, в кругу семьи. Если учесть, что мою семью составляет нелюбимая жена... праздник обещал быть мрачным.

Скука свела нас с Линдой, скука стала причиной нашего расставания. Круг замкнулся...

Скука – ужасное состояние, чреватое непредвиденными событиями, взрывом эмоций и прочими сюрпризами. Это опасное затишье, предвестник грозы, которая зреет в неподвижной тяжести воздуха, готовясь разразиться громом и молнией.

– Я буду скучать без тебя, – блеснув глазами, сказала Линда. – Мне будет одиноко...

– Прости.

– Помнишь, как в прошлом году в это же время мы катались на санях? – со вздохом спросила она. – Было морозно, снег скрипел под полозьями... Тогда все только начиналось. Держи...

Линда протянула мне маленький круглый диск из желтого металла с грубым изображением мужской головы в окружении каких-то завитков.

– Что это?

– Амулет викинга, – прошептала она, наклоняясь ко мне. – Видишь, здесь бог Один,¹ который будет охранять тебя от любой напасти...

* * *

Мы познакомились в ресторане, на одном из скучнейших чопорных банкетов. Кажется, праздновали чей-то юбилей...

Рядом со мной за столиком сидели две пожилые супружеские пары. Жены с постными физиономиями следили за мужьями, делая им замечания шепотом: «Того не ешь, дорогой... Этого не пей...» Иногда тонкий слух доставляет человеку неприятности. Беспрестанные напоминания о язве желудка и больной печени окончательно испортили и так унылое настроение. Перед моим носом стояла нарезанная осетрина с дольками лимона и зеленью, и желтые прожилки жира раздражали обоняние. Ненавижу рыбий жир! Вообще в тот вечер я все чувствовал обостренно, словно в преддверии какого-то апокалипсиса. Так зверь чувствует приближение землетрясения или волны цунами.

В зале царил торжественная угрюмость, изредка нарушаемая сдержанными смешками, тостами и заунывными тирадами тамады, который пытался расшевелить публику. Увы! Гости собрались под стать юбиляру – такие же занудные и безликие, как седовласый старик, увешанный наградами. Он с напряженным вниманием выслушивал славословия в свою честь, механически кивая, – мне показалось, что он пользуется слуховым аппаратом.

Я изнывал от накапливающейся желчи и был готов в любую минуту встать и уйти, но почему-то медлил. Чтобы хоть как-то встряхнуться, я время от времени спускался на первый этаж покурить. Я не заядлый курильщик, но иногда люблю подымить, особенно после обильной трапезы. В застекленной галерее было по-зимнему холодно, в распахнутые окна влетали

¹ Один – верховный бог древнескандинавской мифологии.

снежинки, взгляду открывалась темно-синяя морозная Москва, освещенная ночными огнями. Я стоял, вдыхая и выпуская дым, и чувствовал в голове и в сердце опасную пустоту...

Не знаю, зачем я возвращался в душный банкетный зал, садился за свой столик, принужденно улыбался соседям и лениво жевал салат. Должно быть, я подсознательно ожидал встречи с ней, так же, как она – со мной. Мы оба, вполне осознавая всю наигранную бессмыслицу этого пресного «праздника», интуитивно потянулись друг к другу... ощутив на расстоянии бурлящую в наших венах жажду приключений, – необыкновенной любви, страсти, роковой тайны...

Пожалуй, тайна – это именно то, чего мне не хватало. Без тайны я не мог бы полюбить всей душой, стать рабом женщины, ее паладином.² А без этого мужчина даже не любовник – просто партнер по сексу.

Не было никакого противоречия между пустотой в душе и этой всепоглощающей жадой, неодолимой тягой к чему-то опасному, запретному. Когда прыгаешь с огромной высоты, то некоторое время несешься в воздухе без всякой опоры, не зная, что тебя ожидает внизу. А может, и не надо ничего знать...

Впрочем, тогда я ни о чем таком не думал. Пустота есть пустота. Томимый смутной жадой неведь чего, я сидел в зале и от скуки рассматривал всех подряд: пожилых родственников, друзей, знакомых и бывших коллег юбиляра, в число которых я странным образом попал. Вдруг я увидел ее, совершенно не ожидая, что среди гостей может оказаться такая барышня: юная, тонкая, в очень открытом элегантном черном платье, с пышной огненной шевелюрой. Наверное, она сильно опоздала, иначе я заметил бы ее раньше, словно искрящуюся золотую рыбку в стае невзрачных пескарей. Я никак не мог бы пропустить ее.

Она почувствовала пристальный взгляд и повернулась в мою сторону. Ее глаза светились, как у дикой кошки, – готов поклясться!

Что привело меня и ее в тот декабрьский вечер в тихий ресторанчик старой Москвы? Не иначе как случай. Случай, который подстерегает искателей приключений. Берегитесь проделок судьбы, господа! Она любит играть нами, заручившись нашими мысленными посланиями, безрассудной вседозволенностью.

Приглашенные уже опустошили половину бутылок, наелись и откровенно зевали. Длинные тосты однообразно превозносили достоинства почтенного виновника торжества. Рыжая барышня изнывала от скуки...

Зато я перестал раздражаться и оживился. Вторая часть банкета, по-видимому, предполагала танцы. На полукруглую эстраду в углу зала вышли музыканты.

Старомодная мелодия удивительно точно подчеркивала мои ощущения: ностальгическую тоску, необъяснимое волнение и сердечный трепет, которого я и не подозревал в себе. О каком прошлом тосковала моя душа? Я не понимал этого. Влекомый сильнейшим внутренним порывом, я поднялся и направился к ней...

Не помню, как мы оказались рядом, прижавшись друг к другу среди других пар, кружащихся в танце. Кажется, играли вальс по заказу жены юбиляра. Вблизи девушка, которую я пригласил, выглядела не такой молодой, но еще более красивой. Ее огненные волосы щекотали мою щеку, а тело было гибким и податливым. От нее пахло миндалем и вишней, ее тепло проникало сквозь ткань платья, обжигая меня...

На ее груди была приколотая круглая янтарная брошь – единственное украшение. На ком-то другом эта брошь с крупным круглым куском янтаря в обрамлении спиралевидных узоров показалась бы мне безвкусицей, но на ней она смотрелась удивительно гармонично, сочетаясь с цветом волос и глаз. Радужка вокруг ее зрачков была точно как застывшая сосновая смола, просвеченная солнцем.

– Меня зовут Линда, – сказала она, хотя я не спрашивал ее имени. – А тебя?

² Паладин – в романах и поэмах Средневековья храбрый, доблестный рыцарь.

В ее говоре проскальзывал прибалтийский акцент.

– Ингвар... – брякнул я первое пришедшее в голову имя.

«Ты такая же Линда, как я Ингвар, – подумал я, наслаждаясь своей маленькой ложью. – И это чудесно! Мы оба сейчас придумываем себе образы, творим таинство чувственного притяжения. Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя, а я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не сделать это прямо здесь, сию минуту...»

– Ты очень красив...

Меня поразила ее откровенность. Ее лицо, казалось, не знало крема и пудры, а губы пламенели без всякой помады, покрытые едва заметным слоем блеска. Наверное, ее томил тот же внутренний жар, что разгорался и во мне...

После банкета я отвез ее домой на такси. Она снимала квартиру на Зубовском бульваре и наотрез отказалась меня впустить.

– Рано, – прошептала она, прикасаясь холодными пальцами к моим губам. – Подождем до Рождества...

Гордость не позволила мне настаивать. Я не смог уснуть до самого утра, вспоминая запах вишни и матовую шелковистость ее кожи... Я не верил, что такое могло произойти со мной, циником и трезвым прагматиком. Я не верил, что меня влечет к Линде нечто большее, чем плотское желание, замаскированное под банальное восхищение ее женскими прелестями.

«Почему же ты думаешь о ней двадцать четыре часа в сутки? – спрашивал я себя. – Почему не перенесешь свой интерес на другую смазливую девицу, которая будет счастлива переспать с тобой в любое удобное для тебя время?»

Я пал жертвой ее загадочности, ее необычного поведения, ее янтарной брошки, наконец. Она будто напустила на меня непонятный дурман. Я попросил у нее телефон, она с улыбкой покачала головой. О, какая то была улыбка! Сквозь напускную холодность в ней проступало хищное торжество...

До сих пор я считал хищником себя, но после встречи с Линдой оказался дичью. Тогда я легкомысленно прогнал эту догадку. Самонадеянный глупец! Я не мог допустить мысли, что попался в зубы женщине-охотнице...

Мы начали встречаться. Между нами с первого же взгляда возникла не просто эротическая дуэль, а скорее упорное состязание: кто кого доведет до высшего накала. Я совершил ошибку, сделав ставку на свои мужские достоинства: вообразил, что, как всякая женщина, Линда оценит мою щедрость, искусство доставлять даме удовольствие и попадет в зависимость от этого. Она долго избегала близости, но в конце концов уступила. Те несколько часов, проведенные в постели с ней... не могу их описать... все во мне перевернуло. Я ждал повторения, но Линда испытывала мое терпение. Она прикидывалась холодной, разочарованной и сводила меня с ума своей печальной усмешкой. Не она – я потерял голову. Пока я ублажал ее чувственность, Линда завоевывала мою душу, словно тщательно укрепленную высоту, – шаг за шагом, пядь за пядью. Я и опомниться не успел, как был обезоружен и попал в плен...

Я водил ее по экзотическим ресторанам, угощал изысканными блюдами, исполнял все капризы. Линда требовала то сани, запряженные лошадьми, то катание с гор, то пикник в подмосковном лесу. Ее безудержное веселье внезапно сменялось приступами мрачных раздумий. За три недели этой любовной лихорадки я ничего не узнал о ней, она тоже не задавала мне никаких вопросов. Неведение подогревало наши фантазии. Воображение рисовало картины одну заманчивее другой...

Казалось, едва мы раскроем карты, наступит конец игры. Какой смысл продолжать изощряться, если все известно наперед?

– Хотел бы ты знать свою судьбу? – как-то обронила она.

– Нет! – вырвалось у меня. – Нет и нет...

Я дошел до той роковой черты, когда мне стало безразлично, что со мною станется. Я был готов на все.

– Ты лжец! – рассмеялась она. – Каждый мечтает узнать, что его ждет.

– Только не я...

Она дразнила меня, я – ее. Мы задыхались от возбуждения, от сдерживаемых чувств. Я наклонялся и касался губами ее румяной от мороза щеки. Между нами вспыхивали разряды молний – поразительно, как их никто не видел. Вокруг нас должны были бы сиять зарницы, словно предвестники приближающейся грозы.

– Ты похож на викинга, – говорила она. – Такой же могучий, светловолосый и светлоглазый.

– А ты – на златокудрую королеву Асу!³

Зимняя свежесть московских улиц, снега и ослепительных рождественских дней слились для меня в одну полосу желания и восторга...

* * *

На Святки я сделал предложение Веронике, дочери моего бывшего партнера по бизнесу. Она забеременела от меня еще в ноябре и решительно заявила, что не собирается делать аборт. Я разозлился, но быстро остыл. Прагматизм всегда брал верх над эмоциями.

«Придется жениться, – рассудил я. – Отец даст за Вероникой приличное приданое: контрольный пакет акций надежного предприятия».

Пара неудачных финансовых операций серьезно подкосила мою фирму, поставив перед выбором: брак по расчету или банкротство. Я почти не раздумывал. Привычка ни в чем себе не отказывать въелась в мой костный мозг и положила конец моей холостяцкой жизни.

Ника – так я называл невесту – сама вешалась мне на шею. Она была некрасива, но очень ухоженна и чрезвычайно богата. Хороший вкус, отточенный с помощью модных дорогих стилистов, подчеркивал ее «яркую» индивидуальность. Маленькая, хлипкая, с узкими бедрами и плоской грудью, она выглядела восхитительно в темноте, когда интимный полумрак скрадывал мелкие черты ее лица, угловатость фигуры и слишком тонкие ноги. Наряды от известного модельера сидели на ней, словно на манекене, – как будто она сошла с витрины изысканного бутика. Ломкие черные волосы приводили в отчаяние ее парикмахера, который, однако, умудрялся соорудить из них элегантную прическу. Ника производила впечатление самоуверенной высокомерной особы, знающей себе цену. На деле она оказалась вздорной бабенкой, от которой доставалось всем, кроме меня. Даже отец угождал ей и предпочитал не перечить без особой нужды.

При всех своих недостатках – которые, впрочем, некоторые сочтут достоинствами – Ника умела добиваться своего. Она пожелала заполучить меня в качестве любовника, и я пошел ей навстречу. Отчасти я сделал это, чтобы сбить с нее спесь, доказать: в постели мне нет равных, я могу легко подчинить ее себе. Отчасти – в отместку ее отцу, который, преследуя собственную выгоду, взял да и «подставил» меня. В бизнесе всякое бывает, но я считал его своим партнером, доверял и не ожидал подвоха. Что ж, мой ответный ход уложил его на лопатки. Я победил этого тяжеловеса нокаутом! После моего удара он так и не смог подняться... Когда Ника заявила папаше, что покончит с собой, если я не женюсь на ней, его фактически унесли с ринга.

– Я убью себя и твоего внука! – рыдала Ника, когда отец пригрозил посадить ее под замок – он и слышать не желал о свадьбе. – Я найду способ, ты меня знаешь!

Он действительно знал характер дочурки и понимал: у нее хватит дури отправиться в мир иной ему назло.

³ Королева Аса – бабушка Харальда Прекрасноволосого, который объединил Норвегию.

Ника влюбилась без памяти и совершенно потеряла рассудок. Я воплощал в себе ее идеал мужчины, и мне прощалось то, что другим не сошло бы с рук. Мы представляли собой странную пару – невзрачная разодетая худышка и молодой широкоплечий красавец. Непрезентабельную внешность Ники с лихвой компенсировал капитал, который был обещан ей в приданое, – иначе я не соглашался узаконить наш «грех». О том, чтобы давить на меня, не могло быть и речи. Будущий тесть за годы совместной работы успел изучить мои повадки, чтобы отказаться от заманчивой идеи силой принудить к чему-либо. Меня можно было только уговорить, посулив щедрую прибыль. Я с детских лет не страдал от скромности – это похвальное качество затерялось среди моих бесчисленных пороков.

Вероятно, я чего-то не учел, не сумел предугадать. Я не провидец!

Моя страсть к Линде никоим образом не пересекалась с будущей женитьбой. Эти две совершенно разные стороны моей жизни существовали параллельно. Любовь – состояние души, а брак – «совокупность бытовых и правовых отношений, связывающих мужа и жену». Свадьбу назначили на конец апреля.

Приготовления к сему знаменательному событию повлияли на мои встречи с Линдой. Мы стали реже видеться – я вынужден был соблюдать приличия. Отец Вероники обожал избалованное до безобразия чадо и ради нее закрывал глаза на мои похождения. Между нами состоялся обстоятельный мужской разговор.

– Таких, как ты, могила исправит, – неприязненно усмехнулся будущий тесть. – Ума не приложу, что в тебе нашла моя дочь! Ну... сердцу не прикажешь. Мне остается смириться и обеспечить ее будущее. Ты получишь достаточно, чтобы вести достойную жизнь. Ника не может выйти за банкрота!

Он пытался сохранить лицо – прикидывался, будто сам принял решение «поделиться» со мной акциями, а не выполняет мои условия. Я не стерпел.

– Если бы мою фирму не пустили на дно...

– Бизнес – не институт благородных девиц! – вспыхнул он, уловив мой намек. – В сражении побеждает сильнейший.

– Вы хотели сказать, беспринципный делец.

– А хоть бы и так! Не тебе говорить о принципах, дорогой зятек.

– Пока еще нет. Я могу и отказаться...

Он не рискнул искушать судьбу – я слыл «безбашенным», способным на дерзкую выходку.

– Черт с тобой! – пробормотал будущий тесть, опуская глаза. – Считай, мы квиты. Вероника здесь ни при чем! Я не питаю иллюзий по поводу твоей нравственности... но моя дочь не должна страдать. Устраивайся так, чтобы она ни сном ни духом. Ты понял?

Я охотно кивнул. Он почти разорил меня и хотел выйти сухим из воды. Я имел право обещать ему все, что угодно... и ничего не выполнить. Я еще не поквитался с ним, вопреки его уверенности.

«Мы померимся силами в новом поединке! – думал я, сохраняя на губах вежливую улыбку. – Ты не благородная девица, а я и подавно!»

* * *

Я не искал выхода из сложившегося положения – во мне теплилась надежда, что ситуация разрешится без моего участия. Я привык полагаться на случай.

Наши встречи с Линдой стали более редкими и страстными. Я чувствовал, что лечу в бездну, и не мог остановиться. При одном взгляде на нее во мне поднималась волна желания и странной нежности. Ее волосы, выющиеся от природы, выбивались из-под меховой шапочки. Кожа, оттененная рыжими кудрями, казалась фарфоровой. В длинной юбке из плотной шер-

стяной ткани, затканной узорами, и курточке с песцовой опушкой она была похожа на дочь конунга.⁴

Мы бродили по заснеженным аллеям и целовались украдкой, оглядываясь по сторонам. Нам доставляла удовольствие необходимость скрываться от чужих глаз. Я признался Линде, что женюсь. Она долго молчала, а я отогревал ее руки в своих. Она слегка оттолкнула меня и попятилась.

– Я этого боялась! – прошептала она, со смехом прижимаясь спиной к стволу старой ели. – А чего боишься, то и случается!

Ветки дерева дрогнули, на нас обрушился снег, переливающийся на солнце. Снежинки застряли в ее волосах, вспыхивая, словно бриллианты в короне из червонного золота.

– Ты моя королева Аса! – не сдержал я восхищенного возгласа.

– А ты мой викинг... человек из фьорда, морской разбойник...

В ее словах звучало больше сожаления, чем любви.

– Ты ревнуешь? Женитьба – это только формальность, клянусь! Сделка, ничего больше.

Мы с тобой по-прежнему будем вместе...

– Я ни с кем не хочу тебя делить.

– И не надо. Я принадлежу тебе... душой и телом.

– Она хороша собой?

Я тут же представил Нику – плоскую, бледную без макияжа, с тонким ехидным ртом – и покачал головой.

– Нет. Ты настоящая роза по сравнению с ней.

– Зачем же ты берешь ее в жены?

– Так получилось.

Она больше ничего не спросила, а я не стал объяснять. Мы гуляли в обнимку, пока не замерзли. Я повел Линду в кафе, где подавали блюда из дичи, приготовленной на открытом огне. Мы пили глинтвейн, болтали всякую чепуху. Линда смотрела на языки пламени и о чем-то думала. Синий кашемировый свитер очень шел к ее светлой коже и сияющим волосам.

– Я не люблю Нику... – вырвалось у меня. – Хочешь, поклянусь кровью?

Она вздрогнула и словно очнулась от забытья. Я попытался разрезать ладонь столовым ножом, она молча качала головой. Выступившая капелька крови испугала ее, на что я и рассчитывал. Я даже не чувствовал боли – присутствие Линды действовало на меня как наркоз. Бог знает, что еще я мог сотворить...

Пока я произносил слова клятвы – глупые, полные мальчишеской бравлады, она смахнула с ресниц предательскую влагу. Гордость не позволяла ей плакать.

– Ты сам выбрал, – едва слышно произнесла она и добавила: – Покорись своей участи, викинг...

* * *

С того памятного дня все изменилось, стало другим: город, небо, солнце. Сам воздух пропитался тревогой, ожиданием чего-то непоправимого, словно Линда совершила некий обряд, произнесла магическое заклинание. «Должно быть, она ведьма, – твердил я. – Молодая, красивая, горячая, как огонь в очаге... и холодная, словно февральский снег...»

Я боролся с желанием заплатить консьержу дома, где она поселилась, и вывести, откуда она, чем занимается, как ее на самом деле зовут. Мешало непомерное самолюбие. Неужели я опущусь до того, чтобы наводить справки о женщине? Она сказала о себе ровно столько, сколько сочла нужным, и я, между прочим, тоже.

⁴ Конунг – у норманнов (варягов, викингов): вождь, высший представитель родовой знати, военачальник.

Линда пробудила во мне остатки мужского благородства: я не мог позволить себе следить за ней.

«Откуда у тебя полицейские замашки, парень? – корил я себя. – Что тебе даст ее фамилия? Женишься ты, заметь! Не она выходит замуж. Хотя не исключено, что она замужем или ведет свободный образ жизни – содержанки, например. Тебя это коробит? А разве ты сам не собираешься сделать то же самое? Отец Ники фактически назначает тебе содержание! Более того, ты вытребовал эти деньги, якобы в компенсацию его вины перед тобой – а он просто выиграл у тебя раунд. Ты – прожигатель жизни, а он – трудяга, фанат своего дела. Он оказался лучшим на этой дистанции. Хочешь сказать, что он мошенник? Так ведь и ты не святой!»

Я, совершенно не склонный к самокопанию и самокритике, вдруг принимался то судить себя, то оправдывать. Не иначе как на меня порчу навели. Кто мог осмелиться на такое? Линда, кто же еще! У нее глаза ведуньи, язычески пронзительные, полные дикой необузданной силы...

Я отказался от идеи разузнавать что-либо о ней и погрузился в приготовления к свадьбе.

Время остановилось... или летело слишком быстро. Словом, я чувствовал себя ныряльщиком, опустившимся на большую глубину, куда не попадает свет. Я словно ослеп и оглох. Когда мне становилось невмоготу, я поднимался на поверхность глотнуть свежего воздуха. Этим воздухом для меня была Линда. Я дышал ею...

Торжества прошли для меня, как мутный тревожный сон. Тесть подарил нам с женой большую квартиру с ремонтом, но без мебели. Ника тут же зарылась в каталоги, села на телефон – ее разговоры с дизайнером по интерьеру утомляли меня до головной боли. Я послушно ездил с ней по магазинам, выбирал обивочную ткань, люстры и напольные вазы, непрестанно думая о Линде. Чем больше я отдалялся от нее физически, тем теснее нас связывали общие мысли. Она тоже тосковала, я не сомневался.

Мы с Никой обустраивали свой быт, потом поехали в свадебное путешествие. Тесть заранее оплатил все расходы и отрезал путь к отступлению. Европа в этот раз показалась мне слишком прилизанной и до тошноты благополучной. Я томился – Ника с наслаждением предавалась шопингу и требовала, чтобы я сопровождал ее. Беременность уже была сильно заметна: живот торчал, будто спрятанный под юбкой мяч. Учитывая субтильное телосложение Ники, выглядело это безобразно. Никаких отцовских чувств я не испытывал и вообще начал сомневаться, моего ли ребенка носит новоиспеченная супруга. Я отлично помнил, что оказался у нее не первым.

«Вот болван! – безжалостно высмеивал я себя. – Развели тебя, как несмышленища! Ну, ничего. Пусть только появится на свет долгожданный младенец! Устрою проверку ДНК...»

Пока я тешился новыми планами мести, Ника излучала безмятежность и умиротворение. Казалось, она наконец обрела счастье. Даже ее характер как будто смягчился – она перестала брюзжать и отпускать по всякому поводу едкие замечания. Меня они, разумеется, не касались, но постоянное выражение недовольства кого угодно выведет из терпения.

Улучив минутку, я уединился и набирал номер сотового Линды. Она не отвечала и сама мне не звонила. Я поставил на мобильник код, чтобы Ника ненароком не обнаружила того, что ей знать не положено. По закону подлости она могла догадаться, чей номер кроется под обозначением Аса. В принципе, я не скрывал от Ники своего образа жизни, и она была осведомлена о моих многочисленных интрижках. Став ее мужем, я не собирался отказываться от холостяцких привычек. Однако «много женщин» не так опасно, как «одна женщина». Думаю, Ника это понимала. При всей недалекости, она была истинной дочерью своего папаши и обладала исключительным нюхом на то, что затрагивало ее интересы.

На вторую неделю нашего путешествия я купил в супермаркете бутылку водки и напился до чертиков. Без Линды у меня исчез вкус к жизни. Она безропотно восприняла мой отъезд и только повторила:

– Ты сделал свой выбор...

В конце мая мы с женой вернулись в Москву. Через месяц она родила недоношенного мальчика, который умер на следующий день. С анализом ДНК не сложилось, да и как-то неловко было затевать об этом разговор. Тесть воспринял случившееся сдержанно.

– Вы молоды, у вас еще будут дети, – сказал он. – А ты, дочка, не вешай нос. Займись-ка лучше своим здоровьем. Доктор предупредил, что у тебя есть гормональные отклонения. Это все стрессы! Побольше отдыхай, ешь фрукты и ни о чем не переживай.

При этом он злобно поглядывал на меня, как будто я был во всем виноват.

Ника выписалась из клиники подавленная, но быстро пошла на поправку. Отец в утешение подарил ей ожерелье из розовых опалов – ее любимых камней.

Я искал Линду. В доме на Зубовском мне сказали, что жилищка съехала, куда – неизвестно. Я так и не узнал ни ее настоящего имени, ни фамилии. Консьерж, который мог сообщить это, уволился.

Лето перевалило за середину, Ника звала на море, в Черногорию, «в маленький домик под красной черепичной крышей, где мы будем вдвоем», а мне не хотелось уезжать из Москвы, хотя солнце палило немилосердно, в городе было пыльно, душно от раскаленного асфальта. Я ждал весточку от Линды. Она мерещилась мне то в толпе прохожих, то среди покупателей в магазине, то за дальним столиком в ресторане. Однажды мне показалось, что она стоит и смотрит на окна моего офиса. Я мигом слетел по лестнице, выскочил на улицу – там никого не было. Каждый телефонный звонок заставлял меня трепетать и отчаиваться. Не могла же она вот так сразу и навсегда забыть меня, выбросить из сердца?!

Потекли дни, монотонные и серые. Я ходил на работу, только чтобы не видеть Нику, ее капризно опущенные губы, не слышать тягучего голоса. Сидел в кабинете, бесцельно перебирая бумаги, и вспоминал наши с Линдой встречи. Мои отношения с женой стали совсем сухими, формальными. Она украдкой проливали слезы, я готов был удушить ее. Я ненавидел ее за собственную слабость...

– Ты меня избегаешь? – как-то решила спросить она. – Из-за ребенка? Это ужасное горе, но что поделаешь?

– Нельзя построить счастье на обмане! – напыщенно заявил я. Как будто сам являл собой образец искренности и бескорыстия.

Ее глубоко посаженные глаза забегали:

– Что ты имеешь в виду?

– О черт! Лучше я промолчу. Ладно?

Она выдала себя с головой – эти опущенные ресницы, эти нервно сплетенные пальцы, эта растерянность. Я попался на подлый женский трюк, как до меня попадались сотни, тысячи мужчин. Из-за этой лжи я потерял Линду! Кровь ударила мне в лицо, в груди что-то вспыхнуло, стало нечем дышать. Вот чем обернулась моя мстительность – ее ловко использовали против меня же.

– Поделом тебе, викинг... – прошептал я.

– Что ты там бормочешь? – испуганно спросила Ника.

Я повернулся и, не проронив ни звука, вышел из комнаты. Она еще говорила мне вслед какие-то пустые, ненужные слова, но я их уже не слушал. Не помню, как я оказался на улице, как спустился в метро и ехал по гулким темным туннелям, как толпа пассажиров вынесла меня из поезда на конечной станции и повлекла к подземному переходу. Я брел куда глаза глядят, не разбирая дороги. Очутившись в полутемном кафе, я заказал выпивку...

Проблески сознания сохранили в памяти лицо таксиста, который вез меня домой. Каким-то образом я назвал ему свой адрес – видимо, еще до полной отключки. Таксист оборачивался ко мне и задавал какие-то вопросы. Кажется, я отвечал. Рядом со мной на заднем сиденье кто-то дышал, поправлял волосы, источал аромат миндаля и вишни. Во мне пробудилась звериная

ярость, приглушенная алкоголем. Мозг бушевал, но тело мешком привалилось к спинке сиденья и отказывалось двигаться...

– Линда, ты? – язык не ворочался, и вопрос, вероятно, прозвучал только в моем воображении.

«Где ты пропала? Как ты могла так поступить со мной? – беззвучно негодовал я. – Я чуть с ума не сошел! Возможно, уже схожу... Ты правда здесь? Или это всего лишь мой пьяный бред?»

Я пытался дотянуться до нее, но ловил пустоту. Таксист смеялся, его зубы блестели в темноте. Я обессилел и затих, боясь спугнуть Линду. Пусть она побудет рядом хотя бы минуту! Моя ярость улеглась у ее ног, словно послушный, прирученный зверь. За окнами мелькали ночные огни, погружая меня в транс...

Я стал завсегдатаем этого кафе, расположенного в подвале высотного дома. Здесь подавали шотландский виски, куропаток на вертеле, и я быстро напивался под звуки волынки. Стоило мне опрокинуть пару рюмок, как на меня наплывал туман, в котором пряталась Линда. Я звал ее... Она откликалась не сразу... но все же появлялась – тонкая, в длинной юбке, закрывающей щиколотки, в огненном ореоле волос...

Потом мы ехали домой в такси, я выходил, а она оставалась в машине, махая мне рукой. Я не смел ни на чем настаивать, ведь она снова могла исчезнуть, теперь уже навсегда.

– Где ты был? – спрашивала наутро Ника.

Что я мог ей ответить? Пил, гулял... Не хватало, чтобы она приперлась в то кафе и застала нас. Мне-то безразлично, но Линде вряд ли доставит удовольствие визит моей жены.

«Ника не осмелится! – убеждал я себя. – Она не рискнет! Зная мой характер...»

– Ты свихнулся, – бросила мне супруга. – Гляди, сопьешься... Хочешь, я договорюсь со знакомым врачом? Просто побеседуй с ним...

Кажется, я запустил в нее тяжелым предметом, бутылкой или вазой... Она взвизгнула и закрылась в спальне. Три дня мы не разговаривали, а после все пошло своим чередом.

Так промелькнула осень. В декабре Москва убралась в зимние одежды – белые, синие, розовые, сверкающие. Повсюду начались предпраздничные ярмарки, витрины магазинов заполнили Деда Морозы и Снегурочки. Я подумывал о подарке для Линды – скоро Новый год, Рождество. Я искал редкостное, изысканное украшение, которое подошло бы к ее удивительной внешности. В салонах мне показывали ювелирные изделия, но ни одно из них не отвечало моим требованиям.

Линда меня опередила. Поздним вечером, как обычно сидя со мной за столиком в кафе, она преподнесла золотой кругляшок на шнурке из плетеной кожи.

– Держи...

– Что это?

– Амулет викинга...

Я вдруг почувствовал: она прощается со мной.

– Нет, Линда... только не это...

Она молчала, позволяя гладить свою руку. Ее пальцы были длинными и бледными, без единого кольца. Может, подарить ей кольцо в знак нашего примирения?

Я признался, что еще не купил подарка для нее, и спросил, чего бы ей хотелось. Она промолчала, качая головой. Я не отставал.

– Проси все, что угодно! – с жаром заявил я.

– Ты обещал быть моим...

– Я и не отказываюсь!

– Теперь ты женатый мужчина, – серьезно произнесла она. – У тебя – своя жизнь, у меня – своя. Я и так... слишком задержалась здесь...

Она обвела зал тоскливым взглядом, встала и удалилась. Я рванулся было за ней, однако отяжелевшее тело едва пошевелилось: ноги будто приросли к полу, а голова с трудом поднялась и тут же упала.

«Ну и набрался ты, братец! – хихикал кто-то невидимый. – В стельку!»

В этот раз я ехал домой один – Линды в такси не было. Водитель помог мне добраться до подъезда. Я, как обычно, сунул ему деньги, не считая. Он поблагодарил с довольным смешком и удалился.

Наутро жена разбудила меня, с отвращением держа двумя пальцами подарок Линды. Видимо, она обшарила мои карманы.

– Что это?

– Отдай! – лениво огрызнулся я, отобрал у нее амулет и демонстративно нацепил на шею.

– Где ты взял эту жуткую вещицу?

«Почему жуткую? – оскорбился я за Линду и за себя. – Ничего ты не смыслишь в вещах, дорогуша!»

– Выиграл в бильярд...

Я иногда проводил время в бильярдной и под настроение обыгрывал даже опытных мастеров. Кий порхал в моих руках, а шары, словно замороженные, катились туда, куда следовало.

– Удивительно, как тебя не обчистили, – хмыкнула она. – Бумажник на месте. Зачем ты берешь с собой столько денег?

– Не твое дело...

Она вымученно улынулась и отправилась в кухню, готовить свои диетические блюда. При ее худобе это было бессмысленно – она не поправлялась ни от пирожных, ни от итальянской пасты, ни от блинчиков со сметаной.

Я потрогал амулет, убедился, что он при мне, и снова уснул. Во сне мы с Никой провели нудный сочельник, потом угостились красным вином, закусывая индейкой. На десерт она разрезала торт. Я пытался проснуться, но мои веки будто склеились...

Когда я наконец раскрыл глаза, то обнаружил себя лежащим на диване в гостиной одетым. В углу переливалась елочная гирлянда, а под елкой уснула Ника, что было на нее совершенно не похоже – она мало пила и предпочитала спать в мягкой постели, а не на паркете. Я приподнялся и увидел торчащий в ее груди нож – тот самый, которым она резала торт. Мое замутненное вином сознание мигом прояснилось, я протрезвел, вскочил и наклонился над ней. Она была мертва – на ее новом праздничном платье расплзлось пятно крови, а в руке... в руке она держала золотой амулет викинга! Шнурок был разорван. Выходит, Ника сорвала амулет с убийцы...

Я пробовал разжать ее пальцы – тщетно. Их можно было только сломать. Покачиваясь, весь в испарине, я выпрямился и взглянул на свою кремовую рубашку: на ней отчетливо виднелись брызги крови, они уже успели подсохнуть и походили на соевый соус...

Посреди гостиной стоял накрытый стол – несколько блюд, хрустальный графин с коньяком, початая бутылка шампанского в ведерке со льдом. Это серебряное ведерко подарила нам на свадьбу подруга Ники. Черт! Неужели я убил свою жену? Когда? Как? Я решительно ничего не помнил. Однако амулет в ее руке и пятна крови на моей рубашке недвусмысленно указывали на убийцу! Стоп! А куда подевалось красное вино, которое мы пили? Где фаршированная индейка?

Я подошел к столу и внимательно изучил содержимое. Никакого вина, кроме шампанского, вместо индейки – кролик под белым соусом.

– Боже мой! – с облегчением выдохнул я. – Это просто ночной кошмар! Я должен проснуться... Все образуется!

Я стоял, вдыхая запах ананаса и салата из креветок, боясь обернуться. Вдруг труп все еще там, под елкой? Этаким черным сюрприз на праздник? Я же ожидал, что Рождество будет мрачным, вот мои ожидания и сбылись.

– Ха-ха-ха-ха! – вырвалось из моих губ. – Вот так фокус! Как это ей удалось?

Я подумал о Линде, о том, что она ведьма, шаманка. Дочерей конунгов наверняка обучали ведовству и всяким магическим штукам. Она завладела моей душой через древний амулет...

Я через силу заставил себя повернуть голову и посмотреть назад, в страшный угол гостиной. Бездыханная Ника все так же лежала навзничь, кухонный нож по-прежнему торчал в ее груди, скандинавский бог Один, хозяин Валгаллы,⁵ зловеще подмигивал мне золотым глазом. Или это отсвечивали на амулете огни елочной гирлянды?..

Мне стало не до смеха. Сон это или явь, но что теперь делать? Труп вполне настоящий, осязаемый. Кто мне поверит, что я убил Нику в беспамятстве? Да никто! Я бы сам не поверил. «Так вот о каком подарке говорила Линда! – осенило меня. – Вот на что она намекала!»

– Ты же сам пообещал исполнить любое ее желание... – прозвучало у меня в ушах.

Я потянулся к бутылке и выпил ледяное шампанское прямо из горлышка, надеясь охладить внутренний жар, зачерпнул кусочки льда и приложил к пылающему лицу. Что же я надеялся? Это все амулет, он как-то повлиял на меня. Он подчиняется Линде, она руководит мной через него!

Мысли, одна безумнее другой, вихрем закружились в моей голове. Что предпринять? Как избавиться от мертвого тела?

Ничего толком не соображая, я вытащил нож из груди Ники, тщательно протер рукоятку и положил рядом с телом. Кровь запеклась и не вытекала из узкой раны. Лицо покойной застыло в немом изумлении, но черты уже разглаживались под действием смерти. Я открыл ее шкаф, битком набитый дорогими нарядами, снял с ее длинной норковой шубы одежный мешок и завернул труп. Этого мне показалось мало – я принес плед и обернул им тело поверх мешка. Потом взял ключи от машины, взвалил сверток на плечо и двинулся к двери...

Мне повезло. Ни в подъезде, ни во дворе никто не попался навстречу и не заметил, какую странную поклажу я тащу к своему джипу. Стояла темная, безлунная зимняя ночь, падал густой снег, что облегчало мою задачу. Сквозь пелену снегопада ничего как следует не рассмотришь – даже если кто-то не сидит за праздничным столом, а выглядывает из любопытства в окно.

Я поехал на окраину города, отыскал заброшенный строительный котлован и сбросил тело вниз, в белую снеговую глубину. Поднимался ветер. К утру январская метель уничтожит следы моего преступления. Скорее всего, труп отыщут весной, если вообще отыщут. Завтра подам заявление в милицию о пропаже горячо любимой супруги, и дело с концом. Тесть, правда, на этом не успокоится, пустит в ход свои деньги и связи... Ну и черт с ним! На моей стороне сам всемогущий Один, властелин и покровитель отважных викингов...

«Амулет! – вспыхнуло в моем помраченном мозгу. – Он же остался зажатый в руке Ники! Я забыл его забрать!»

В чаду накатившего ужаса от содеянного я действительно не подумал об амулете. Это же прямая улика! Впрочем, разве его кто-нибудь видел, кроме меня и Линды? Ника видела, но она мертва. А Линда не станет давать показания, это не в ее интересах. А если станет? Если она решила окончательно погубить меня?

«Пусть сначала найдут ее... – успокаивал я себя. – А что, если она сама заявится в милицию и...»

⁵ Валгалла – в древнескандинавской мифологии дворец бога Одина, обиталище душ павших в бою воинов.

Земля подо мной разверзлась, вернее, волна цунами, которой я старался избежать, догнала меня и накрыла с головой.

Первым моим побуждением было прыгать в котлован, разгребать снег, добывать проклятый амулет из окоченевших пальцев трупа. «Куда?! – охладил я свой пыл. – Высота большая, да и как оттуда выбираться? Теперь уж ничего не поправишь. Чему быть, того не миновать...»

Я понуро побрел к машине, проклиная себя за неосторожность. Так глупо, банально подставиться! Где же был мой хваленый ум, моя хваленая предусмотрительность?!

Обратный путь до дома выпал из моего сознания. Запомнились только снежинки в свете фар и чернота ночи, обступившая меня, закрывшаяся в мое сердце.

В квартире я снял забрызганную кровью рубашку, замочил ее в порошке и подумал, что завтра же выстираю и для пущей безопасности выброшу на помойку в другом районе города. С этой мыслью я допил коньяк, рухнул на диван и уснул...

Проспал, по-видимому, до обеда. Разбудил меня громкий хлопок двери. «За тобой пришли! – прошептал в уши злорадный голос. – Тебя заберут и посадят за решетку, убийца!» Я вскочил в холодном поту, метнулся в прихожую, к глазку – никого... Вне себя от случившегося, я вернулся в гостиную. Трупа под елкой не было. Естественно! Я же сам отвез его и сбросил в котлован. Стол стоял на том же месте, но...

Волосы мои зашевелились, а кожа покрылась пупырышками. Кто-то убрал остатки рождественского пиршества! На скатерти лежала какая-то коробка и записка. Я взял ее, трясущейся рукой поднес к лицу. Буквы и строчки прыгали и разъезжались...

«Встречай Рождество без меня, – с трудом разобрал я. – Ты все равно напьешься и будешь спать. Поживу недельку у родителей. Еда в холодильнике. Подарок для тебя в коробке. Надеюсь, понравится!»

Это был крупный, наклонный почерк Ники, неровный от возмущения, которое переполняло ее.

– «Поживу недельку у родителей...» – повторил я. – Славно! Чем не повод не заявлять о пропаже жены? Я вообще могу встать в позу и...

«Но где же ведро со льдом, остывший кролик, разрезанный торт? – похолодело у меня в груди. – Кто побывал здесь? Домработница? Тогда откуда записка? Я точно помню, что ее не было! Ника не уезжала к родителям, она...»

Я открыл темно-коричневую коробочку и увидел превосходные часы «Rolex», – классически строгие, в тяжелом корпусе из белого и желтого золота... целиком в стиле моей жены. Часы дарят к разлуке. Плохая примета. Ника, похоже, не была суеверна...

Я застыл с часами в руках, в полнейшем замешательстве. Что происходит? Что со мной? Я допил до белой горячки?

Я почти вбежал в кухню, рванул дверцу холодильника. Торт стоял нетронутый, шампанское тоже. О, черт! Черт! В ванной царили чистота и порядок. Никакой замоченной рубашки, на которой остались пятнышки крови... Более того! Кремовая рубашка была на мне, мятая и без всяких пятнышек...

«Ты свихнулся!» – прозвучал в моих ушах голос супруги.

Это был алкогольный бред! – догадался я. – И Линда, и золотой амулет, и убийство... Прав был мой отец, когда говорил: «Скука не доводит до добра, сынок!» Я слишком упорно мечтал о любви к таинственной незнакомке, о чем-то необыкновенном, чудесном, о роковой страсти, о колдовских глазах женщины с огненными волосами. Мне с детства снились скалистые фьорды, гордые дракары,⁶ скользящие по свинцовым водам северного моря, могучие варвары в железных кольчугах, жестокие набеги на чужие селения и юная, нежная дочь конунга, ожидающая меня на берегу...

⁶ Дракар – длинная парусно-весельная ладья викингов.

Моя рука сама собой нащупала под рубашкой что-то круглое на кожаном шнурке. Не доверяя себе, я снял его с шеи и уставился, как на диковинку. Значит, не все было сном? На моей ладони лежал амулет викинга – круглый золотой диск с изображением бога Одина, древний, с шероховатой поверхностью и щербинкой у края. Эта щербинка исторгла из моих уст радостное восклицание на непонятном языке... Как будто бы я *узнал* старинную вещицу! Передо мной пронеслись сцены боя, плеск весел и крики гребцов, задранный кверху нос деревянного судна с оскаленной головой дракона, воины, шумно прыгающие за борт, пенная кромка прибоя...

Я встал, умылся холодной водой и вспомнил «убийство» Ники. Этот амулет оказался у меня неспроста! Линда дала мне его, чтобы... чтобы... Надо немедленно избавиться от него! Поехать к тому самому котловану и бросить эту опасную штуковину вниз, в снег, – там ее сто лет никто не отыщет.

Вместо того чтобы так и сделать, я прижал амулет к груди, со странным наслаждением ощущая его ласковое прикосновение к моей разгоряченной коже.

– Будь что будет! – шептали мои губы, на которых еще хранился привкус миндаля и вишни. – Будь что будет...

Браслет скифской царевны

Старый год умирает. Он отцвел, отыграл, спел свою песню, и теперь ему остается только уйти. О нем почти не вспоминают. Все предвкушают наступление Нового года, готовят праздничную встречу, полную нарядных елок, искрящегося снега, огней, шампанского, музыки, веселья, надежд и счастливых пожеланий.

Но старый год еще не сказал последнего слова. Он приберегает его до самого конца, до «мига вечности», когда куранты пробьют полночь, когда старое умрет, а новое родится. Прежде чем это произойдет, жизнь и смерть сольются в любовном экстазе – и неизвестно, кто выйдет победителем. В полночь так легко все перепутать.

Странные мысли одолевали Олега Бердянина, бывшего завязанного искателя кладов, а ныне обыкновенного продавца в магазине бытовой техники. Предпраздничная суета, блеск елочных украшений, бегущие огни на улицах возбуждали его напряженные нервы, вызывали головную боль.

Сеть магазинов принадлежала его отцу, состоятельному бизнесмену Трофиму Бердянину.

– Иди администратором для начала, – уговаривал Олега отец. – Потом директором тебя поставлю. Возьмешься за ум наконец.

Тот отнекивался, как мог:

– Дело нужно узнавать изнутри, с самых низов. Начинать, так с продавца.

– Ты же торговый институт закончил, – недоумевал Трофим Иванович. – Зачем тебе продавцом работать?

Олег заупрямился, и родитель уступил. Не стоит давить на парня, он не окреп еще – только пара месяцев, как таблетки глотать перестал. Однако не бывает худа без добра! Если бы не несчастный случай в Крыму, так бы и продолжал сын бродяжничать, с рюкзаком на спине по степям топтать да по горам лазать. Ради дурацких поисков каких-то сокровищ Олег на третьем курсе чуть не бросил учебу, да родители не позволили: настояли, чтобы перевелся на заочное и получил-таки диплом.

Как только сошел снег, их единственное чадо с группой таких же одержимых кладоискателей отправлялось в многодневный поход по разным «историческим» местам: то остатки городского вала где-то на Смоленщине откапывать, то подмосковные пещеры исследовать, то старый скит в лесу по бревнышку разбирать. А вдруг отшельники с собой старинную утварь прихватили да где-нибудь спрятали?

В комнате будущего наследника бердянинского капитала – не баснословного, но вполне солидного – лежали потрепанные карты, ветхие от времени книги и всякая всячина, которую домработница периодически порывалась отнести на помойку: бронзовые ручки, наконечники стрел, глиняные черепки, ржавые железки, стекляшки, темные куски дерева и даже камни, якобы из подземных гробниц.

– Это болезнь, – твердила мать, роняя слезы. – Перерастет, одумается. Поймет, что у нас денег и так достаточно. Я виновата! Возила его к деду в Керчь, тот и отравил ребенка своими байками. Боспорское царство, Пантикапей, Херсонес, скифские могильники, античные храмы. Мальчик с детства заразился дедовой страстью к древностям!

– Разве дело в деньгах? – возмущался Олег. – Ничего вы не понимаете! Это же вещи, к которым прикасались люди, жившие тысячи лет назад! Они дышат тайной!

– Какая там тайна? Ну, жили, воевали, торговали, молились... и умирали. Все то же, что и сейчас. Ты уже вышел из юного возраста, сынок. Пора настоящим делом заниматься!

Но «заниматься делом» Олег не спешил. Ездил на Керченский полуостров, жил в доме покойного деда, познакомился с местными «черными археологами», которые за определенную

плату водили его по заветным местам и делились информацией. Пока не попал в больницу с черепно-мозговой травмой. Хорошо, что жив остался!

Отправились они вдвоем с товарищем на холм, где раньше велась добыча камня, разбили неподалеку палатку и ходили вокруг да около, ища лаз, ведущий внутрь холма. Не обнаружив такового, принялись копать. Было это в начале лета, зарядили дожди, но молодые люди, увлеченные поисками, продолжали рыть... Пока намокшая толща земли вперемешку с камнями не обрушилась на них. Товарищ отделался легким испугом, синяками и ссадинами. Придя в себя, он выбрался из-под завала весь в грязи и в крови, с трудом вытащил Олега. Тому повезло меньше: большой камень угодил в голову, и он пролежал без сознания несколько часов в палатке, пока товарищ не привел людей из близлежащего селения.

– Ну, где твой покойничек? – лениво осведомились подвыпившие мужики.

– Может, он жив еще! – уговаривал их перепуганный парень. – Кладите на брезент, несите! Осторожно надо!

– Какой жив? Синий уже, и пульса нет, – заявил один из «спасателей», опустившись на корточки и щупая грязное запястье Олега. – Не дышит.

– Как не дышит? Дышал вроде... Или не дышал? Я не проверил... сразу за помощью побежал. Торопился очень! – Товарищ сел прямо на мокрую землю, обхватил голову руками и застонал: – Что же теперь будет?

– Дышит, кажись... – пробормотал мужик, который сидел на корточках. – Давай брезент!

Всю дорогу до сельского медпункта лил дождь. Мужики вымокли до нитки и устали ругаться. Ноги разъезжались в жидкой грязи, скользили. Тело Олега казалось невероятно тяжелым, безжизненным.

В медпункте фельдшер оказал пострадавшему первую помощь и отправил по раскисшей дороге в больницу. Только там товарищ Олега вспомнил про мобильный телефон. Можно же было позвонить! Но трубка оказалась разбитой.

Через неделю Олега увезли в Москву на дополнительное обследование, сделали томографию. К счастью, обошлось без хирургического вмешательства. Мать от переживаний слегла, и ухаживала за ним его девушка Инна. В августе Олега перевели в отделение реабилитации, а осенью выписали. Голова болела страшно, но лечащий врач успокоил: «Остаточное явление. Постепенно это пройдет. Я назначу таблетки».

Олег медленно возвращался к нормальной жизни, чего нельзя было сказать о его памяти. Он забыл, как искали лаз, не помнил, как произошел обвал, в его сознании всплывали лишь смутные отрывочные эпизоды: холм... палатка... котелок на костре... дождь... грязь... камни... мокрая земля... темнота...

После работы отец присылал за ним машину с водителем – Олег попробовал было сам сесть за руль, но почувствовал себя плохо и не рискнул ехать по запруженным транспортом городским улицам. По дороге они забирали Инну из института. Молодые люди прогуливались по парку или ужинали в кафе, а водитель терпеливо ждал, чтобы развезти их по домам. Вечером на Олега страшно было смотреть – под глазами синяки, бледный, в испарине от подступающего приступа головной боли. Мать сразу укладывала его в постель, несла лекарство. Врач не обманул – день ото дня Олегу легчало, он все реже принимал таблетки и вскоре совсем от них отказался.

– Жениться тебе пора, – советовал отец. – Вон хоть на Инне. Пригожая, воспитанная, ласковая, любит тебя без памяти!

– То-то и оно, что *без памяти*...

– Девочка из хорошей семьи. Учится в медицинском, свой доктор будет.

– *Без памяти* – не хочу...

Отец сделал вид, что ответ Олега ничуть его не удивляет. После больницы мальчик сам не свой, говорит невпопад, думает непонятно о чем. Да и как не думать? С памятью у него

действительно не все ладно. Трофим Иванович поговорил с врачом тет-а-тет, попросил быть предельно откровенным. Доктор уверял, что оснований для беспокойства нет:

– Такое бывает. Потеря памяти у вашего сына касается небольшого промежутка времени, непосредственно связанного с травмой. Это защитная реакция на страх и боль – сознание как бы изолирует тяжелый инцидент, чтобы к нему не было доступа. Потом память может восстановиться.

– А если прибегнуть к помощи гипноза?

– Зачем? Я против гипнотического воздействия, – решительно заявил врач. – Это подавляет волю пациента. Воспоминания должны вернуться естественным путем. Какая-нибудь деталь или похожие обстоятельства могут этому поспособствовать.

– Нет уж! Не дай бог...

Олег выздоравливал. Он повеселел, поправился, перестал подолгу лежать на диване, уставившись в потолок. Голова побаливала, но не так сильно. Он уже сидел за компьютером, начал переписываться с кладоискателями, интересоваться находками других.

– Опять за свое взялся, – шептала Трофиму Ивановичу жена. – Боюсь я за него!

– Женить надо сына, тогда дурь быстро из мозгов выветрится. Молодая баба в постели куда приятнее, чем рюкзак на плечах.

– Я бы с удовольствием! Чем Инна не невеста? Покладистая, неизбалованная. Только Олежек о свадьбе не заикается. И вообще, у них отношения какие-то дружеские. Без страсти, без трепета любовного.

– А мы с тобой как женились? Про любовь-то нас никто не спрашивал. Познакомили, сосватали. Ты мне приглянулась. Скромная, молчаливая, да и грудь у тебя была – глаз не отве-
дешь.

– Тише ты! – смущалась жена. – А грудь у меня и сейчас ничего...

Трофим Иванович обнял ее, поцеловал в вырез кружевной сорочки.

– Мне кажется, я тебя в первую брачную ночь полюбил – раз и навсегда. Я ведь не изменял тебе, даже в молодости.

– Ладно, не ври!

Бердянины засыпали счастливые, как бывают счастливы люди, довольные собой и жизнью. Если Трофим Иванович и лукавил насчет нерушимой верности законной супруге, то самую малость. Были грешки, но такие мимолетные и незначительные, что о них и вспоминать не стоило. Жена ни разу не пожалела, что когда-то выбрала молодого и робкого служащего Сбербанка. Робость его касалась только женщин и ни в коей мере – работы. Она жила с Бердяниным, как за каменной стеной, ни о чем не тужила. Грехи же господь велел прощать для облегчения души.

Когда отец вновь заговорил с Олегом о женитьбе, то получил резкий отказ.

– Оставь, папа! Мне бы с собой разобраться! С головой у меня что-то творится – хочу вспомнить и не могу. Знаешь, какие у меня мысли?

– Тебе не нравится Инна? – пожал плечами Трофим Иванович. – Найдем другую.

– При чем тут Инна?

Олег хотел кое-что добавить, но замолчал, вздохнул и махнул рукой. Отцу лучше не знать.

– После Нового года поговорим, – строго произнес Бердянин-старший. – Ты где праздновать собираешься? С нами или с молодежью в ночном клубе?

– Я, наверное, в Керчь поеду...

* * *

– Не пушу! – встала на дыбы мать. – Что там делать зимой в дедовой мазанке? Не хватало только воспаление легких подхватить! Там же никаких удобств, печку топить надо, мыться в тазике.

Насчет «мазанки» она, конечно, сгущала краски. В прошлом году Трофим Иванович выделил деньги на ремонт старого дома – под руководством Олега строительная бригада поменяла крышу, окна и двери, перестелила полы, привела в порядок дымоход и провела воду, так что условия для проживания стали вполне приличными. Красная черепица, белые, увитые виноградом стены, высокий светлый забор, закрытый со всех сторон уютный дворик делали дом типично южным, крымским – располагающим к лени и отдыху. До моря было далеко, но ветер с залива приносил его запах – солоноватый, с привкусом йода.

Олег нашел спасительный аргумент.

– Я возьму с собой Инну, – заявил он. – Мы проводим старый год и встретим новый вместе. Я хочу, чтобы моя болезнь осталась в прошлом, ушла с последними мгновениями перед полуночью... туда же, откуда пришла.

Трофим Иванович вспомнил слова врача и неожиданно встал на сторону сына. Вдруг *похожие обстоятельства* пробудят уснувшую часть его памяти, вернут ясность и покой душе? Сам керченский воздух, корявый орех у забора, посаженный руками деда, зимняя степь, камни, развалины античного Пантикапея... Все это может оказаться тем ключиком, который откроет «черный ящик» в сознании Олега. Очень кстати, что девушка будет рядом – накрывать праздничный стол, смеяться, смотреть в глаза, манить своей красотой и молодостью. Ночи, проведенные в старом доме под свист норд-веста и треск дров в печи, сблизят их, подтолкнут к тому, чем из века в век занимаются мужчина и женщина, оставаясь наедине. Природа возьмет свое, как ни крути...

– Пусть едут, – положил конец причитаниям жены господин Бердянин. – Морской воздух Олежке на пользу. Может, с Инночкой у них слюбится-сладится. Дело молодое! Поженим их и вздохнем с облегчением.

Вечером, лежа на широкой кровати с изголовьем, инкрустированным розовым деревом, госпожа Бердянина – дочь керченского учителя истории, приехавшая когда-то в столицу поступать в педагогический институт, – вспоминала свое детство. Ей ведь тоже отец рассказывал на ночь необыкновенные сказки: про царя Митридата, золотую маску, найденную в некрополе Пантикапея, курганы, полные сокровищ, и скифскую царевну Томирис.

...Была она тонка, изящна и прелестна, как дикий степной цветок, – с маленькими алыми губами, нежной кожей и шелковистыми волосами, черными, как вороново крыло. Ее родила царю скифов роскошная и своенравная гречанка, которую он силой взял в жены. Томирис стала его любимицей. Девушку холили и лелеяли, наряжали в драгоценные ткани и украшения, привезенные из заморских городов. Когда она шла, ее сопровождал мелодичный звон бесчисленных золотых бляшек, нашитых на одежду и вплетенных в волосы. На голове царевна носила остроконечную шапочку, на шее – блестящие ожерелья, на руках – браслеты, на ногах – мягкие сапожки из искусно выделанной кожи. Но все украшения затмевала ее дивная, пленительная красота.

Царь подыскивал дочери достойного жениха. Одного за другим отвергал он претендентов на руку и сердце Томирис. Девушка удалась внешностью и характером в мать, а властной надменностью – в отца. Ее белое, как луна, личико кривилось в презрительной гримасе при виде мужчин, которых прочили ей в мужья. Она понимала, что рано или поздно ей придется сделать выбор, но оттягивала этот момент всеми возможными способами.

Мать-гречанка внушила ей мысль, что быть женой варвара, грубого и невежественного скифа, – незавидная доля.

– А если его убьют в бою или он умрет от тяжелой болезни, тебя задушат и положат в его могилу. Ни молодость, ни красота, ни принадлежность к знатному роду не спасут тебя от неминуемой смерти, – нашептывала мать.

И Томирис содрогалась от ужаса, представляя, какая участь ее ждет. По щекам катились прозрачные слезинки, когда она смотрелась в бронзовое зеркало с ручкой, покрытой золотой фольгой. Ее томили неясные предчувствия, сердце замирало от предвкушения любви, которой она еще не познала. Неужели ей суждено умереть молодой? Скифы воинственны и заносчивы, они проводят жизнь в седле, с луком за спиной и акинаком на поясе. Погибнуть в бою – честь для воина. А что будет с его женой, никого не волнует...

С тоской следила царевна за полетом птиц в необъятном синем небе, завидовала ветру, свободно веющему над выжженной солнцем степью. Ах, как бы ей хотелось стать этим ветром – вольным и быстрым, непокорным, летящим, куда ему вздумается!

– Что мне делать? – спрашивала она у матери. – Как быть?

Однажды в тихую летнюю ночь печальная гречанка вывела дочь из шатра и показала ей извилистую туманность Млечного Пути.

– Только эта дорога уведет тебя отсюда. Как и когда – не знаю. Скоро...

– Откуда тебе это известно? – удивилась Томирис.

– Я умею гадать по звездам. Давным-давно, в юности, я готовилась стать жрицей в храме Гекаты. Но богиня отвернулась от меня...

Она сняла с руки браслет, с которым никогда не расставалась, и протянула дочери.

– Возьми его, надень на левое запястье и никогда не снимай.

Над степью стояла неподвижная прохлада. Пахло дикими травами. Стрекотали цикады. Красная луна томно взирала на свои владения. В ее свете камни браслета таинственно мерцали, словно тусклые звезды.

Томирис вернулась в шатер, зажгла масляный светильник и принялась рассматривать подарок. Сколько она себя помнила, этот браслет всегда был на руке матери. Он казался обычным, разве что более тонкой работы, чем другие украшения из золота. Его поверхность сплошь унизывали жемчужины, ониксовые и сердоликовые бусины, а по краям располагались красивые фигурки мужчины и женщины, сплетенные в объятиях...

Госпожа Бердянина уснула, и окончание истории перешло в ее сновидение, наполнив его топотом скифских коней, вереницей кибиток и степной пылью...

– Ты стонала во сне, – сообщил ей наутро господин Бердянин. – Что-то болело?

– Сердце...

За завтраком она все еще вспоминала свой сон: царевна Томирис на погребальном ложе в багровом свете факелов поворачивает лицо и обращает на нее взгляд, тянет руки. Вместо глаз у нее – зияющие в черепе провалы, а вместо рук – кости скелета. Браслет слетает с запястья и катится по полу прямо к ногам Бердяниной...

– Что с тобой?

Жена вздрогнула и схватилась за сердце. Трофим Иванович кинулся за лекарством.

– «Скорую» вызвать?

– Не надо... сейчас пройдет...

Она положила таблетку под язык и, прерывисто дыша, откинула голову на высокую спинку стула.

– Это я виновата! – простонала она. – Зачем мы отправляли Олежека к папе в Керчь? Там он попал в плохую компанию, связался с этим хулиганом Жекой!

– Во-первых, твой отец души во внуке не чаял, а во-вторых, там море, целебный воздух, фрукты. Кто ж знал, что все так обернется? Кстати, Жека – вовсе не хулиган, как ты выража-

ешься, а обыкновенный парнишка из рыбацкой семьи. Работяга. Культуры ему, может, и не хватает, но в остальном – нормальный мужик. Не забывай, что этот Жека спас нашего сына!

– Да... ты прав...

Тиски в груди госпожи Бердяниной разжались, и она перевела дух, порозовела, почувствовав себя лучше.

* * *

За неделю до отъезда Олегу позвонил из Керчи тот самый Женя Крамаренко, с которым они попали под обвал.

– Ты как, старик? Поправился?

– Почти. Если бы не ты... В общем, я твой должник.

– Брось! Какие счета между друзьями? – смутился Жека.

– Ладно, разберемся. С наступающим тебя! Есть шанс встретиться.

– Слу-у-ушай, было бы здорово! – обрадовался приятель. – Приглашаешь к себе в Москву?

– Наоборот, хочу в Керчь смотаться на праздники. Люблю зимнее море. Вместе Новый год отметим. С меня угощение, выпивка – попируем! С девушкой тебя познакомлю. Тебе столичные девушки нравятся?

Крамаренко промолчал.

– Что затих? Другие планы? Жаль...

– Да нет... – спохватился Жека. – Я с удовольствием. Тут такое дело... У тебя все в порядке?

– В каком смысле?

– Ты с нашими переписываешься? По электронной почте? Ну, кто куда ездил, что копали, какие у кого новости?

Олег оглянулся, нет ли поблизости матери, прикрыл трубку рукой и понизил голос:

– Переписываюсь. Только мне странные сообщения приходили уже три раза. Не пойму, что за фигня?

Крамаренко сглотнул – громко, судорожно:

– Тебе... тоже?

– Что значит «тоже»?

– *Это случится в новогоднюю ночь. Готовься...*

У Олега зануло в висках, закружилась голова. Он глубоко вдохнул и опустил на стул. Сидя разговаривать удобнее.

– Блин, Жека, это твоя работа? Признавайся. Ты меня разводишь!

– Да ты что? Зачем м-мне! – волнуясь, приятель начинал заикаться. – Я сам с-сначала принял за разводняк, а потом... д-достали меня эти угрозы. Решил тебе п-позвонить, узнать...

– Почему именно мне?

Крамаренко на мгновение запнулся. Действительно, почему первым ему вспомнился Олег Бердянин?

– П-понятия не имею. Чутье!

– Больше такие сообщения никто не получал?

– Я ни от кого н-ничего не слышал. Правда, и сам рот держу на замке. Тебе вот только п-признался. Неохота паникером выглядеть. В-вроде бы бояться нечего, а мороз по коже идет. Как увижу эти с-строчки, аж скулы сводит. Даже не страх – жуть накатывает. Почту п-проверяю, и пальцы дрожат. Никогда такого не было!

– Мне ужасно не по себе, Жека, – выдохнул Олег. – Поэтому и еду в Керчь – подышать морем, развеяться. С тобой повидаться. Может, в последний раз...

– Иди ты! Ч-чего мелешь, старик? Ну, прикалывается кто-то, м-мало ли психов на свете? Не о смерти же речь идет?..

– А о чем? Что должно *случиться в новогоднюю ночь?*

Жека прочистил горло – чувствовалось, как он старается взять себя в руки.

– Не убить же нас с-собираются? Кому мы дорогу перешли, по-твоему?

– *Мертвым...*

– М-мертвым? – Крамаренко охрип. – Ты гонишь...

Но повисшее в трубке молчание говорило о том, что подобные мысли его уже посещали.

– Я пробовал узнать, откуда приходят сообщения... Никаких концов не нашел, – перешел на шепот Олег. – Если нас берут на пушку, то очень профессионально.

– Да к-кому мы нужны? Ты меня ошаршил, старик... Что за хрень? Не м-может такого быть...

Потоком слов Крамаренко пытался заглушить нарастающий ужас. Кладоискатели – люди суеверные, и байки про «мечь мертвецов» для них весьма актуальны. Бытует среди них множество поверий о проклятии, которое хозяева клада или устроители могильника насылают на грабителей. В древности рядом с сокровищами нередко оставляли *бесплотного стража*, чтобы тот охранял ценности от чужих посягательств. Известны случаи, когда у «счастливого» обладателя найденного золота, драгоценностей или раритетной вещи начиналась черная полоса – на него вдруг обрушивались неудачи, болезни и даже смерть.

– Нам лучше д-держаться вместе! – истощив запас ругательств, выпалил Жека. – Ты правильно решил, старик! Приезжай. Мы им п-покажем! *Мертвецы...* Как бы не так! За лохов нас п-принимают, это ясно. Но мы не поддадимся. *М-мертвые* электронной почтой не пользуются, в их времена о таком с-слухом не слыхивали!

Эта наигранная бравада не могла обмануть Олега. Он знал Жеку с детства как облупленного. У приятеля стучали зубы, а сердце ушло в пятки.

Олег поплотнее закрыл дверь в гостиную, где мать составляла список продуктов, которые следовало закупить на праздники. И спросил:

– Жека, с тобой ничего подозрительного не происходило в последние месяцы?

– П-подозрительного?

Вопрос поверг приятеля в шок. До сих пор он не связывал одно с другим. Но теперь...

– О, блин... Как ты д-догадался, старик? – занервничал Крамаренко. – Было происшествие! Сразу п-после того, как тебя в Москву увезли. Я искупаться решил вечером, после работы. Отплыл от берега подальше, и вдруг все тело б-будто сковало, ни рукой, ни ногой не двинуть. Я, конечно, накануне п-принял на грудь, но не больше обычного. Ты понимаешь? К-короче, чуть не утонул. Чудом выплыл! Лежал на спине, старался страх унять... Потом малопомалу отпустило. Ох, и с-струхнул я, старик! Тебе не п-передать.

После этого *случаи* посыпались как из рога изобилия: то Жеку едва током не стукнуло, то он по рельсам шел и поезда не слышал. Хорошо, не один был, добрые люди крикнули: «Берегись, парень!» – и успел в сторону отскочить. То в порту груз оборвался, а Жека внизу стоял. Словом, что ни день – новая беда.

– Ты думаешь, это... – он задохнулся от ужаса.

– И завалило нас неспроста, – поддал жару Олег. – Я, когда очухался от своей болезни, за руль сесть попробовал. Сразу чуть в аварию не попал: еле от грузовика увернулся, а буквально через десять минут мотоциклист какой-то меня подрезал... Теперь только с водителем езжу. А недавно вышел на балкон с девушкой, и голова закружилась. Я на перила облокотился и чувствую – толчок в спину, будто кто-то сбросить меня хочет... С шестого этажа! Как удержался,

не помню. Девочка перепугалась, подумала, я с собой решил покончить. Еле упросил ничего матери не говорить.

– Слушай, старик, д-давай, приезжай. Надо как-то защищаться. Меры п-принимать!

– Какие меры?

– Ну... в церковь ходим, п-покаемся... в этих, в грехах. С-свечки поставим. Авось отстанут от нас. Чтобы еще до Нового года успеть! Сечешь?

– Я тут к ясновидящему знаменитому ходил, – признался Бердянин. – Тайком от родителей. Денег ему дал, попросил в будущее заглянуть. Он шар хрустальный вертел, вертел... «Ничего не вижу! – твердит. – До тридцать первого декабря вижу, а дальше – темнота одна».

Жека закашлялся.

– З-заливает твой колдун, – неуверенно пробормотал он. – Я ему не верю. Но меры принять надо! Осторожность не п-помешает.

– А еще знаешь, что мне колдун сказал? «У тебя в памяти – черное пятно. От него все твои беды. Это «черная дыра», как в космосе. Если тебя туда затянет – пропадешь!» Жека! Расскажи, что с нами случилось под завалом?

На том конце воцарилась тишина.

– Алло! Жека! Ты меня слышишь?

– Я все рассказал, с-старик... – выдавил Крамаренко. – Может, я тоже чего-то не помню?..

* * *

Вместо елки в дедушкином доме решили поставить крымскую сосну. Инна и Олег купили ее на вокзале, у красной от холода тетки в куртке с капюшоном поверх платка. Керчь встретила их северным ветром, снегом. С набережной море казалось свинцовым, на горизонте оно сливалось с таким же свинцовым небом. Волны с грохотом ударялись о берег, обдавая редких прохожих солеными брызгами.

Олег стоял спиной к морю, вглядываясь в молочную мглу, которая поглотила город. Древняя земля киммерийцев, тавров, греков, скифов и сарматов простиралась перед ним. Приезжая сюда, он чувствовал себя одним из них...

– Здесь каждый камень хранит следы исчезнувшей жизни, – сказал он.

– Идем! – взмолилась Инна. – Я замерзла!

Они добрались до домика белые, как два снеговика. Пока Олег открывал дверь, Инна отряхивалась.

– Надо принести дров, печку растопить, – хихикала она. – Ты умеешь?

– Конечно.

Он щелкнул выключателем – света не было. Ветер порвал провода, и новогоднюю ночь предстояло провести при свечах и керосиновой лампе.

Инна, поживаясь, прошла по дому. Столовая, две спальни, кухня и веранда, простая мебель, простые шторы на окнах. Везде пыль, холод. После ремонта убрали кое-как, на скорую руку. «Зато Олег рядом, – подумала она. – Никто мне не нужен, кроме него!»

Когда печка разгорелась, в маленьких комнатках стало тепло. Запахло дровами.

Инна готовила праздничное угощение. На печи! Уже приключение. Она уговорила Олега взять с собой кое-какие продукты, остальное купили в местном супермаркете.

– Где твой друг? – время от времени спрашивала она.

– Скоро придет. Он нас вчера ждал...

– Ты ему звонил?

– Не волнуйся, он знает, что мы уже здесь.

Накануне их отъезда из Москвы у госпожи Бердяниной случился сердечный приступ. Это была ее отчаянная попытка удержать сына возле себя. Но на следующий день, когда матери полегчало, он все-таки уехал. Ни ее слезы, ни укоризненные вздохи отца не смогли остановить Олега.

Инна отправилась с ним. Ей очень нравился Олег – рослый, красивый парень, не пусто-звон, как другие. Работает продавцом в магазине, хотя у его родителей денег куры не клюют. Не распускает руки, не говорит пошлостей и в любви признаваться не спешит. Сразу видно – серьезный человек. А то, что увлекается раскопками и кладами, – даже романтично. Она могла часами слушать его рассказы о пиратских сокровищах и тайниках венецианских купцов в горных пещерах.

– Олег, помоги! – попросила Инна, устав бороться с тушеной индейкой. – Режь вот здесь... Уже девять часов скоро, а у нас стол не накрыт. Неудобно перед человеком. Обещали праздник, а сами приехали в последний момент. Ни убратся толком не успели, ни елку украсить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.